

Исследовательская деятельность этнографического музея

Поддержание и развитие научно-исследовательской деятельности в этнографическом музее есть непреложная необходимость. Она диктуется, с одной стороны, постоянной потребностью уточнять, идентифицировать состав хранимых коллекций. Ибо ни для кого не секрет, что большинство сборов, особенно происходивших в Африке в период наибольшей собирательской активности музея, т.е. в конце XIX — начале XX в., имело донаучный или околонуучный характер. Даже если бы это и происходило на научной основе (или приближающейся к ней, как это было в случае с коллекциями Л. Фробениуса и А. Мейнхофа), само состояние этнографической и музееведческой науки того времени уже безнадежно устарело.

Конечно, как собирательская, так и атрибуционная и экспозиционная деятельность этнографического музея выступают прикладными сферами знания. Но и прикладная сфера в основе своей определяется уровнем фундаментального знания, масштабом, обоснованностью и конкретными выводами теоретической, концептуальной модели, используемой в осмыслении отражаемой и моделируемой культурной действительности (а именно таким отраженным в вещах образом реальности и выступают музейные коллекции). И в этих вопросах значительную, если не определяющую роль играет методология познания, познавательный метод, способы поиска информации, ее интерпретации, оперирования ею.

Можно сказать, что «кризис» этнографических музеев, о котором речь шла выше, во многом есть следствие ступора, возникшего в этнографической науке в целом во второй половине XX в. Возник постепенный переход этой науки к «ползучему эмпиризму», переосмысляемому и пропагандируемому в последние десятилетия как основа и смысл научной деятельности, как единственное содержательное и фундированное чем наука должна заниматься. Мне не раз доводилось слышать от своих коллег: «не надо заниматься теориями, надо заниматься конкретным материалом, и он сам выведет на хорошие теории». Увы, но в этом утверждении есть либо недомыслие, либо лицемерие. Дело в том, что никакой «материал», никакая «конкретика» не существует вне концепций, вне теорий. Именно в соответствии с этими концепциями мы только и в состоянии эти «материалы» видеть, распознавать, классифицировать, кодифицировать — познавать.

Музей, который не занимается исследовательской деятельностью, не может осознавать (в более или менее конкретных формах), для чего он нужен. Он не может формулировать свою идеологию, а соответственно и строить свою долгосрочную политику: ни в плане комплектования фондов, определения приоритетов собирательской деятельности, ни в определении приоритетов самой исследовательской деятельности, ее тем, подходов к их разработке, ни в плане построения постоянной экспозиции. Таковая должна быть материализацией модели представляемой в экспозиции реальности, наполнением ее вещами и идеями, образами. Она же должна быть проникнута сверхзадачами эмоционального плана, определяемыми и психологией зрителей, и психологией, отражением мира представляемых в музейном пространстве народов и их культур.

Если музей не работает над этим, если он плетется в русле зрительской конъюнктуры, то с неизбежностью теряет свое общественное предназначение, свою ответственность как авангард формирования культуры, ее проективности, проекции в будущее. И никакая концепция «кунсткамеры» как простой, «техничный», концептуально малоемкий выход из идеологического вакуума, как субститут и «симулякр» этнографической музейной идеологии и теории не сможет оправдать подобную несостоятельность.

Есть все основания утверждать, что если в музее не будет большой и претендующей на передовые позиции в отражении мира науки, то не будет и большого музея. Например, так или иначе в массовом сознании широкий профиль музея и разнообразие представленных в нем тем неизбежно редуцируются к тому, что связано с раскрученным за почти 300 лет «брендом» «Петровской Кунсткамеры», восходящим к известной басне И.А. Крылова. Дополнениями к этому «бренду» выступают «народная молва», фольклор, представляющий музей как «бестиарий», собрание эпатирующих и табуированных публичной моралью предметов. Этот «антимиф» так или иначе существует. Борьба с ним бесполезна, с ним следует считаться как с реальностью. Но его надо не замалчивать и не столько опровергать полемикой, сколько противопоставить ему активную исследовательскую и экспозиционную деятельность, вытеснить банализирующее восприятие музея внятной и конструктивной работой.

Есть огромный потенциал для ведения исследовательской деятельности в этнографическом музее. Этот потенциал — и в документальной базе по культурам народов мира, каковой выступают

фонды МАЭ. Но к этому потенциалу относятся и новые тенденции в этнографическом знании, которые мало-помалу прокладывают себе дорогу в научном сознании. Могу сказать только о французской этнологии и этнографии, в рамках которых в 2007 г. прошли два масштабных мероприятия в сфере поиска новой теории: Коллоквиум «Новые сущностные подходы» в мае и Общефранцузская сессия этнологов в ноябре. Лично я считаю перспективным направлением в этнографии наследие «ленинградской школы африканистики», особенно работы В.М. Мисюгина [Мисюгин 1998; 2009], а также разработку и продолжение этих принципов в деятельности теоретико-аналитического объединения «Манифестация», существующего уже более десяти лет, идеи которого отражены в альманахе «Манифестация. Учебно-теоретический журнал ленинградской школы африканистики». Сам я с 2001 г. развиваю концепцию «этнософского» направления в этнографии [Арсеньев 2006; 2009: 141–169], которое возникло независимо от работ французских коллег К. Мейассу [Meillassoux 1967/1999; 1975; 2001] и Ж. Копанса [Copans 1990]. Но, будучи знаком не только с трудами, но и с их авторами, проведя с ними не один час в профессиональном и человеческом общении, могу сказать, что действую сам созвучно их общей направленности на поиски нового метода и новой картины мира, в частности через новое обращение к философии методологии общественных наук, а также с учетом видения мира и сообразного пребывания в нем в соответствии с неевропейским мировосприятием и мироосмыслением. Ибо считаю непреложным считаться с тем несомненным фактом, что если общество живет, воспроизводится в соответствии с унаследованной традицией, то какие бы формы эта традиция ни имела с нашей точки зрения, для данного общества она истинна и достаточна для протяженного во времени жизневоспроизводства.

Я склонен считать, что подобная или созвучная ей по направляющим и определяющим тезисам мысль и должна была бы лежать в основе любой возможной идеологемы этнографического музея. Тем более что это не умозрительный постулат, не некое условное допущение, а результат почти сорокалетней исследовательской работы, опыта многолетнего прямого взаимодействия с окружающей средой и ряда интегрированных позиций в изучаемой среде, сопряженных с разделяемой с этой средой важной частью собственной жизни и с ответственностью за благополучие самой исследуемой среды.